

~~330~~

~~C39~~

~~4~~

~~P1594~~

4

Рис Ср 1 576.1

СААВА

~~039~~

4.

~~СХХХХ. 5.4.~~

КРАЛЯ ДЕЧАНСКОГЪ,

А. 287-5.

ВОЙНА БУГАРА СА СРБЪЛИМА.

ВОЙНА

183

Извађено изъ пѣсама, спѣваны

Г. Дромъ Јоанномъ Суботићемъ.

У БЕОГРАДУ.

У БНЯЖЕСТВА СРБСКОГЪ КНЪИГОПЕЧАТНЪИ

1847.

319276

319276
Изд. Оп.

Василъ Курскій

СЕРБСКО ГРАЂАНСКА
ЧИТАОНИЦА
* У МИТРОВИЦИ. *

„Пѣсме су повѣсть наша, у
нѣима тражимо добро и зло наше.“
Овако у својој 18-ој Искрицы вели Г. Ни-
кола Гомашевићъ о пѣсмама народ-
нымъ.

Да бы ово пуноважно мнѣніе подкрѣ-
пили, само ћемо неке знатніе похвалне и
злочесте черте наши стары обяснити, кое
се и у овой пѣсми, поредъ обширногъ спѣ-
ва, оны врстны: Бугарски и Србски
юнака, и у врстама подъ знаковима 1) 2) и
тако далъ, опомињу. Тако подъ:

1) Разумева се краљ Милутинъ, о-
таць Стефана Дечанскогъ. Овай Србскій вла-
дѣтель и угодникъ Божій, когъ и наша св.
црква 30-гъ Октомврія ежегодно праздує,
кромъ што є више епископски столица
приновіо, савъ редъ свештеническій у веће
совршенство довео, и преко 40. монастира
сазидао само у отечеству, Хилиндаръ у
Светойгори украсіо и распространио, а у

Цариграду монастирь и болницу сазидо, и выше имъ земаля одъ цара Грчкогъ купю; него е и иначе толико штедаръ быо, да е юштъ за живота одъ странны Великимъ, а одъ свои и Милостивымъ наречень. Еръ онъ е и самымъ кривцыма, съ правице милосердствуюћи, много пута и ноу преобучень у непознато одъло, къ сиротини съ милостиньомъ на помоу притицо, угождаваюћи Богу и Христову слову, т. е. да му незна ни шуица, шта е дала десница. Шта выше, онъ е милостию шило и у найудалниѣ предъле Руссіе, збогъ чега га е и самъ тадашний владѣтель Русскій: Василіе І. Ярославльвићъ, достойно почитовао.

2) Овай се оплакиваня достоянъ рать измеу енокоренне браће Славяна: Бугара и Срба, 1330. г. водю.

3) На жалость, истый е Милутинъ свою супругу отерао, а свомъ сыну усіано гвозде испредъ очію превући дао, а то збогъ тога, што се овай по наговору неки свои назовиприврженика, буну покусіо противу оца дизати.

4) Истый Шишманъ, при концу тринаестогъ столѣтія, удари изъ Видина на предъле Милутинове, и почне му плякати едну митрополию (быт' ѣе кодъ саданѣгъ монастыра Горняка); но Милутинъ га у бои-

шту кодъ Ждрела на Млави тако побіе, да се едва бѣгствомъ преко Дунава спасе; а доцнѣ опетъ му на молбу, као на поклонъ, сву државу врати.

5) Овде се подразумева война Милутинова съ Грцы. Іоштъ за живота оца Милутинова, царъ Грчкій Михаило Палеологъ, кои є Французе, државше одъ 1204. до 1261. године Цариградъ, истерао, устреми се и противу Србаля, негли и зато, што є мати Милутинова, Елена, Французскиня была; но Срби се одапру, да, іоштъ почну му и опасни бивати, тако, да найпосле нађе за добро и самъ се съ нѣима сродити, т. є. дати свою кѣерь Анну за Милутина. Но кадъ Грцы виде, како Срби просто, безъ столица и углађены столова живе, како и самъ краљ изъ лова дошавши, онако прашанъ и знояванъ одма пріоне на брзу руку обѣдовати; сная му пакъ Катрина, коя є была кѣи Стефана V-гъ, краля Мацарскогъ, просто обучена седи за разбоемъ и тка; а Срби се опетъ узму скупощенномъ ударю Грчкомъ: пѣвчицыма, дамама, и ушкоплѣницыма, кои су узъ Анну опремлѣни были, чудити: то се ова сватба и поквари. Кадъ међутимъ и Милутинъ на престолъ дође, онда Грцы, имаюћи заръ старе мрзости противу Срба, окрену и на нѣга воєвати, но овай имъ се іоштъ женѣій по-

каже, почемъ не само іѣ сузбіє, већъ и за-
то, што су неке и Гатаре уза свою войску
на нѣга были повели, освои имъ и градове:
Скоплѣ, Овчеполѣ, Злѣтову, Пі-
янцѣ, Струмску, Серезѣ, и Кре-
стополѣ, а Татаре сюри на Дримѣ,
гдѣ се готово сви подаве, а и самъ имъ
предводитель Черноглавѣ ту погине.
Но кадѣ Михайло умре, и Андроникѣ
на престолѣ Цариградскій дође, па и самъ
се на Милутина дигне, онда га овај тако
дочека, да га є и онѣ најпосле не само за
мирѣ просіо, већъ и за помоћъ противу
Персіанаца молю, и тада Милутиновцы
доиста, подѣ своимъ войводомъ Гребо-
стрекомѣ, у малой Азіи чудеса почине.

б) Овде се подразумева ратѣ слѣдую-
ћій: Стеванѣ Дечанскій имао є за собомъ
кѣнерѣ Влайка Бесарабе, Влашкогѣ вла-
дѣтеля, коя є имала за вѣно (миразѣ) Банатѣ
Северинскій, у комѣ Стефанѣ оснує и ва-
рошѣ, коя се и данасѣ по нѣговой титули
зове Краљова. Па кадѣ доцніє Робертѣ,
кралѣ Маѣарскій, на Влайка завоює, и овај
позове зета у помоћъ, а Дечанацѣ са сво-
има дође, те Роберта тако окупе, да є єдва
живѣ, и подѣ туђимъ именовѣ, у Будимѣ
измакао.

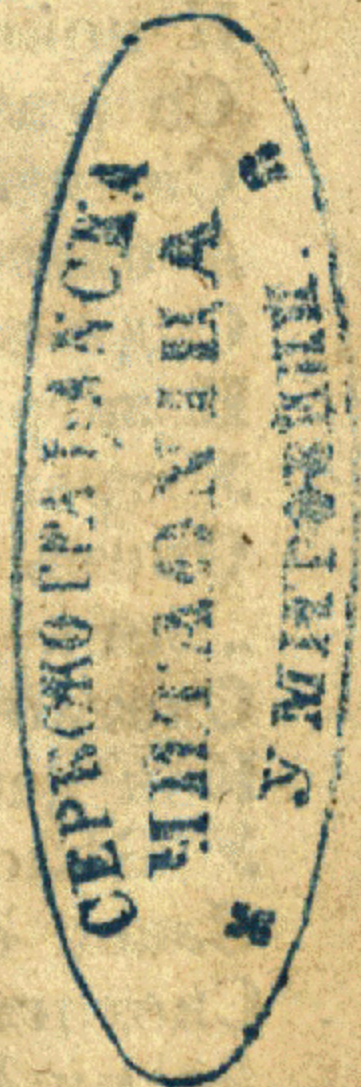
Н и в ш и ѣ .

Васил. Крстич

Славу слави Србскій царь Стефане,
Аранђела Светца лозе Неманъине,
У Призрену граду біелому,
Србскогъ царства престолному.
Скупила се света и светла господа,
Старешине одъ свакога реда.
Узь Данила царскогъ духовника
И остали дванаестъ владика.
Сви жупани, велики кнезови,
И войводе, Србски витезови,
Съ Владиславомъ изъ Захулмске,
Кои но е и самъ лозе Неманъинске,
И Воиномъ съ кршнога Приморя,
Милымъ зетомъ одъ Србіе краля.
Сву господу есте по господству
Посадіо царе, и по старешинству.
На дно софре сиротию метнуо,
Кою беше найпре одънуо,
Одъ свогъ блага, у славу Светога,
По примѣру отца великога. 1)

Самъ пакъ са краљицомъ послужиуе,
Миле свое госте понуђуе,
Убогота кано богатога,
Едномъ бригомъ и любовомъ свакога.
Тако мысли царе Богу угодити,
И достойно свое крсно име прославити,
Кои нѣга вако узвисише,
Међ' силнима и богатим' првымъ учинише.
Краль нѣи части, како с' може нѣму,
Све са сребра и злата у свему,
Питкимъ виномъ, меденомъ ракіомъ,
И одъ сваке руке ѣаконіомъ.
Нуди госте, услађава съ разговори мили,
Да сви буду одъ срца весели. —
А кадъ было да се диже слава,
Колачъ сѣче, и у здравлѣ пѣва,
Све владике са Даниломъ поглавицомъ,
Устадоше и остали сви наредомъ.
Сташе поят' пѣсме Светителю,
Кое црква пише Хранителю.
Боже милый! да чудне красоте,
Нит' гдѣ оста, оваке дивоте!
Као да се небо растворило,
И изъ себе гласе испустило,
Па и то се испуштаю гласи,
Кое тек' пречисти пою дуси:
Силномъ вишнѣмъ Богу,
Когъ видит' немогу.
Помилѣше мрави гостима узъ тѣло,
И коса имъ поче растит' зѣло,

А сузе се валяти низъ лица,
У млазови съ малогъ прста.
Кадъ є кралю колачъ пресекао,
Тадъ є чашу съ виномъ узео,
И гостима поче наздравляти,
Они нѣму съ: „Аминъ“ преватати:
„Да Богъ живи мое госте миле,
Да имъ даде и животъ и здравль.
Срећу и напредакъ у свему,
Како нѣима, а тако имъ и дому.
Хвала нѣима на любви нѣиной,
Данасъ мени явно указаной,
Што ми дошли Светца прославити,
Весель ми помоћ' умложити.
Млого лѣта и година праздновали,
Са кумови, пріятельи, веселили.“
Садъ закликне одздравица,
Изъ свы грла, и чистіе срца,
Громке трубе на све стране гласну,
А и звона на кулама груну,
Те с' сакупи народъ око двора,
Гдѣ одавно младежь игра.
Опетъ кралю чашу лати,
И продужи наставляти:
„Да ми Богъ поживи мое миле
Одъ Дунава до синѣга мора Срблъ,
Сиромаха као и богатога,
Великога па и найманѣга,
Младе, старе, момке и дѣвойке,
Свештенике, Божѣ угоднике,

И войнике, кои насъ одъ зла бране,
Са р а т а р и, што насъ лебомъ ране.
Свымъ дай Боже срећу и напредакъ,
А благословъ на свакій почетакъ!“
Садъ затреште трубе и убойне,
И загрме звона на све стране.
У тры пута Богъ помаже.
Опетъ кралю за чашу се саже:
„Богъ да живи мога сына,
Светлогъ краля Душана,
Кои данасъ на бистой Бояни,
У Бѣломе Скадру са своими,
Слави свога дома Светителя,
Светогъ Михаила Архангела:
Да му Богъ да и животъ и здравль,
Срећу, и напредакъ, весель,
Отца на престолу да одмене,
Дѣла свои прадѣда замене,
Да учини великомъ Србию
И усрећи мѣлу Србадию!“
Тадъ започну пѣватъ светители,
И уза нѣи прѣни властители,
Кадъ прихвати са предворя народъ,
Грми песма врстнѣ юнака одтудъ,
Не чуе се труба убойта,
Нити звона гласовита.
Цару срце у недрима игра,
А на очи ударила радости му искра,
Слушаюћи славу сына,
Предрагога свогъ Душана.

Садъ Данило домаћину наздравіо,
Што Владиславъ кнеже, и кральицы наставіо,
Арсеніє Призренскій владика, Симеуну,
Второбрачномъ Дечанскога, онъ заключи
сыну,

Поюћ' и узъ ову сваку здравицу,
Све то другу песмицу.
По тима се окретоше разговарат'
И изъ пуногъ гласа веселит',
Како но се пристои на слави,
О различни дѣли и боєви,
О сродници, кумовима,
И мртвіемъ своимъ пріятельма.
У веселомъ разговору време прошло,
Докъ и сунце седе, а вече їй нашло,
Кадъ донеше сребрена светила,
Запалише одъ злата кандила,
Те изъ ноћи подне начинише,
Тадъ Владиславъ проговара кнеже:
„Хвала Теби Светлый Домаћине!
Славіо намъ и млоге године,
Са свачимъ си госте дочекао,
И усрдно све си послужіо:
Ел слободно штогодъ запросити,
Да учинишь и што є одвише,
И да дадешъ, што ни недостає?“
Одговара Србскій царъ Стефане:
„Ишти само, лозо Неманьина,
Некъ ме стане и по кральвине,
Хоћу теби волю испунити!“

Вели нѣму кнеже Владиславе:
„Задрж', кралѣ, цѣлу кралѣвину,
И да Богъ да, іоштѣ є удвоіо,
Ма и съ овомѣ моіомѣ сѣдомѣ главомѣ.
Што я иштемѣ свымѣ ѣе быти драго,
А одѣ тебе ништа неузима:
Єл' ти гдигодѣ слуга Драгославе,
Сѣ яворовимѣ нѣговимѣ гуслама,
Да одѣѣва ону пѣсму славному
Одѣ онога рата Бугарскога, 2)
И онога боя подѣ Землянѣмѣ,
Каквогѣ наши неимали стари.“
Кралѣ весео кнезу одговара:
„Таки, кнеже, кадѣ ти се проктело.
Ако коме то искат' приличи,
То єе теби одреѣи неможе,
Кои то си заслужио крвлю,
И юначствомѣ никадѣ невиѣенымѣ.“
Па дозва слугу Грдомиля:
„Иди слуго Драгославу старцу,
Некѣ понесе гусле яворове,
И похита, што му с' брже може,
Да ми кнеза воля неостави.“
Лако момче на ноге скочило,
Брзо води старца Драгослава.
Старцу с' бѣли и коса и брада,
Као грудва на планини снѣга,
У очима живый оганѣ сѣва,
На образи цвѣтаю ружице.
Како дош'о старацѣ Драгославе,

Уз'о чашу Србскій царъ Стефане,
Съ руйнымъ ню є напуно винцемъ,
Па є дає старцу Драгославу,
И овако нѣму проговара:

„Узми чашу, слуго Драгославе,
Испи вино, а на часть ти чаша,
Остави є край други спомена,
Одъ сребра се неће стыдит' злато!“
Уз'о чашу старецъ Драгославе,
До землѣ се кралою поклонію,
Па овако нѣму говорію:

„Хвала, кралою, на твоєму дару!
Лако ѣ теби дарове давати,
Ал' є мени замучно примати:
Тешко ѣ примит', што с' неда одслужит'.
За твогъ оца, покойна му душа,
Могао самъ капъ крви пролити,
Ал' за тебе то немогу учинити,
Године ме ево оборише;
Држе руке гусле яворове,
Ал' немогу коплѣ убоито,
Јоштѣ владаю са танкимъ жицама,
Ал' немогу са оштримъ стрѣлама;
Пакъ се боимъ, грѣхъ ѣу учинити,
Млого примит', ни съ чимъ незахвалит.“
Одговара Србскій царъ Стефане:

„Немой, Драго, силомъ бриге тражит,
Кою с' крвцу за оца пролію,
Сѣме было, за сына узрело;
А и мы се остарит' надамо,

И желимо примат' а не дават'!
Нег' удеси твоє гласне гусле,
И покваси твоє ясно грло,
Воля дошла кнезу Владиславу,
Да му пѣвашь ону пѣсму славну,
Одъ онога рата Бугарскога,
И онога боя гласовитог'
Подъ Земляномъ, подъ крвавимъ градомъ.
Ако волю кнезу ми намиришь,
Златну чашу пуну с' заслужио,
И іоштъ купа неће бити доста!“
Насмея се стараць Драгославе:
„Кадъ гуслама жице су одъ злата,
Ніє мучно добро одпѣвати,
Но є мучно предъ таквы юнацы,
Нерећ' манъ, него што є было,
Па слагати и осрамотит' се;
Єрь є нѣма много свршит' мало,
Мени старцу мало спѣват' много.
Но ћу почет', ма свршит' не мог'о;
Што є лоше, съ мое є кривице,
Зашт' се пуштамъ оно одпѣвати,
Што одпѣват' нико кадаръ ніє;
Што є манъ съ кривице є нѣине,
Зашт' толико да учине люди,
Што и пѣсма испѣват' неможе.
За зло мени вы примит' немойте,
Я ћу вама радо опростити!“
То рекао, па вино испіо,
Чашу метн'о у нѣдра широка,

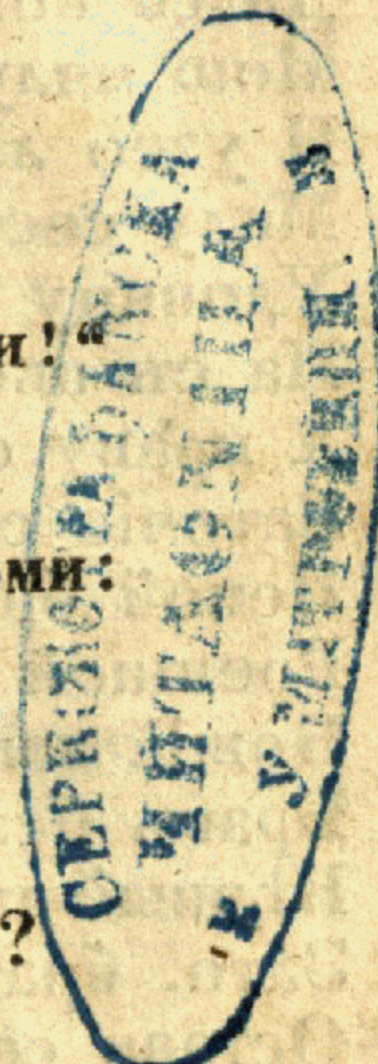
Па се дао гусле удешават',
Гласовито грло окушават'.

Сви су гости мукомъ умукнули,
И да почне старацъ єдва дочекали.
А онъ очи небу подигао,
Као да б' пѣсму с' неба изгледао.
Поћутио мало, ал' одпочео врло:

„Боже милый, на свемъ теби хвала! —
У Бугарской, у земљи юначкой,
Сбы се чудо на небу ведроме,
У по подне, неста небу сунца,
И земля се у таму завіє,
Страхъ и трепеть люде обузео,
И зверинѣ мука напoпала,
Све мыслило: ето дна последня!
Но є Божя воля милостива,
Свое небу вратила є сунце,
И са землѣ таму разагнала,
Упропастит' люде нехотѣла.
Єданѣ другогѣ сви пытаю люди,
Каквогѣ быће то дѣла знаменѣ?
Сви пытаю нико не казує,
Ал' сви мысле добро быти неће.
Ніє дуго време постојало,
Кнѣигу пише Бугарска царица,
Мила сестра одѣ Србіє краля,
Кнѣигу пише па є брату шилѣ,
И овако нѣму у кнѣизи говори:

„Милый брате одъ Србіє кралою,
Немой чекат' гласа радостнога,
Већъ послушай яда жалостнога,
Одъ жалости и несреће мое
А неволь и срамоте свое.
Ево доста проће годница,
Како самъ се у Бугарской нашла,
За Бугарскимъ царемъ Михаиломъ,
Као краљица и люба нѣгова,
Съ нѣимъ живила и дѣцу родила,
Мила, и лѣпа му была,
А одъ рода доста господскога,
Садъ ме, брате, царе отерао,
Са єдинцемъ своимъ и моимъ,
Заточію и мене и дѣте,
А узео лѣпу Теодору,
Лѣпу сестру цара Андроника,
Удовицу краля Светослава;
Ню садъ люби, а мени се руга,
Садъ му нисамъ ни мила ни лѣпа,
Нити рода господскога.
Юштъ и теби, милый брате, прети,
Да ће неброєну войску сакупити,
И подићи сусѣдне краљѣве,
Па на твоє напаст' краљѣвине,
Све попалит' и све порушити,
Тебе самогъ робомъ учинити,
И у тежке ланце оковати,
Да му служишъ, онъ ти господари.
Зато т' брате ову кнѣигу пишемъ,

Нико да невиди, а све крадомъ,
Непишемъ є чимъ се кнѣиге пишу,
Већъ є пишемъ крвлю изъ нѣдара,
Єръ образа несмемъ изранити.
Мене, брате, жали, па прежали,
Имашъ любу, сестру ће замѣнит';
Ал' за себе, брате, постарай се,
Войску купи, тражи пріятелъ,
И преправляй землю и градове,
Зло быт' може: а Богъ добро дати!
Кадъ є кралоу кнѣигу проучіо,
Удари се рукомъ по колѣну,
Златанъ прстенъ на двоє се преломи:
„Јо мени до Бога милога!
Ето на што помрче сунашце,
На неправду цара Бугарина,
На срамоту мени и моима.
Шта л' се Боже! ту чинити може?
Оставити сестру у невољи,
У сужаньству и срамоти грдной:
Одъ Бога є велика греота,
А одъ людій зазоръ и срамота;
А пролити крвцу одъ юнака,
И уцвѣлит' неброєне майке,
Неброєне сеє и любовце,
Не бы ми се доиста хотѣло.“
Све мысліо, на єдно смысліо,
Па дозивлѣ Баранина ѣака.
Баранине, моя вѣрна слуго,
Пиши кнѣигу цару Бугарину:

Свѣтлый брате царе Михаило!
Здраво да си а слава ѣе доѣи!
Чуо єсамъ чудновате гласе;
Чуо єсамъ, вѣроват' немогу,
Да си божій законъ погазіо,
Мою милу сестру отерао,
И узео лѣпу Теодору,
Милу сестру цара Андроника,
Удовицу краля Светослава,
Па съ нѣомъ живишь у сvezи безбожной,
А праву си жену заточіо,
Заточіо са єдинцемъ сыномъ.
Немой брате да огрешишь душу,
Грешной души, боль да є нема,
Божій законъ одмашѣує с' страшно,
Бракъ безбожный луте гує раѣа,
Вѣчный прекоръ отцу є копиле.
Зато, брате, царе Михаиле,
Остави се лѣпе Теодоре,
Узми натрагъ свогъ законногъ друга,
И твогъ сына малогъ Александра,
Да будемо стари пріятельи.
Па помысли, царе Михаиле,
На све добро, коє си имао
Одъ могъ отца, краля Милутина:
Шта ѣе быти изъ кѣери нѣгове,
Шта л' нѣнога и дѣтета твога!
Кадъ є кралю кнѣигу написао,
Послао є у землю Бугарску
У градъ Трновъ Михаилу цару.

Но царъ нѣму вако одписуе:
„Краљу Србскій іоштъ за кое време.
Милый брате, кои си ми быю!
Чуо єсамъ, што у кнѣиги пишешъ,
Чуо єсамъ ал' вѣроват' немогу,
Како си се смео усудити,
И онако мени говорити,
Краль Србіє цару Бугарину.
Остави се молбе и ината,
А проѣи се претнѣ и савѣта,
Него доѣи, па ми се поклони,
Ил' м' нечекай, веѣъ ми се уклони.
Ево кунемъ ти се тврдомъ вѣромъ,
Ако теби у Србію доѣемъ,
Нит' ѣе тебе быти, тол' Србіє остати;
Србію ѣу ватромъ попалити,
Спрамъ нѣ теби окове салити.
Пыташъ мене одъ Србіє краљу,
Шта ѣе быт' изъ кѣери отца твога,
Шта л' учинит' одъ дѣтета мога?
Кадъ ме пыташъ, оѣу да ти кажемъ,
Одъ могъ таста што самъ научіо: 3)
Дѣтету ѣу очи ископати,
Матери му шташъ у руке дати,
Онъ некъ проси, она да га води,
Да с' прослави Србска кральвина.“
Чита кнѣигу Србскій царъ Стефане,
Чита кнѣигу а сузе пролива,
Па господу у саборъ сазыва,
Све владике, и све игумане,

Све жупане, и све воєводе,
Све кнезове и остале служителѣ.
Садъ се славна сабрала господа,
Говори іой Србскій царъ Стефане:
„Дайте савѣтъ, шта се има чинитъ.
Сестра ми є у срамоти грднои,
Земля намъ є у невољи лютой,
Одъ силена цара Бугарина.
Знано вамъ є господо преславна,
Краль Милутинъ шта є учиніо
Бугарскомє цару Михаилу,
И нѣговомъ отцу Шипиманину:
Правый отаць онъ є нѣима быю,
И к'о дѣцы своіой имъ годіо,
Садъ видимо нѣову захвалность!
Кѣи нѣгова у срамоти цвили,
Кѣи нѣгова, тужна сестра Стефанова,
А кнегиня одъ землѣ Србіє.
Іоштъ се руга царє Бугарине,
Тасту свомє, родителю момє,
Светомъ краљу одъ землѣ Србіє,
Когъ є самый Господь прославіо,
Светительскомъ круномъ украсіо.
Па се руга царє Бугарине,
Мени с' руга одъ Србіє краљу,
Грозно прети, и мени и земљи,
Ево кнѣигє, па читайте сами,
Савѣтъ дайте, шта ће да се ради!
Узе кнѣигу владика Данило,
Узе кнѣигу читати немило....

Докъ се диже жуборъ на све стране,
Сви скочише на ноге лагане,
Плануше имъ срца огнѣвита,
Сви за кнезомъ Владиславомъ вичу:
„На бой кралю, съ войскомъ господару,
За честь светогъ дома Неманьина,
За честь кѣри краля Милутина,
И за славу Божѣгъ угодника,
Сви смо крвцу готови пролити,
Сви готови животъ положити.“
А када се ово неколико утишало,
Тадъ беседи- владика Данило:
„Свѣтлый кралю, земљи господару,
Твоя слава и наша є слава,
Праведно є у твоіой увреди
Сви увреду нашу да видимо.
Нитъ бы Србскій народъ заслужио,
Да му Богъ да светце и кралѣве,
Кадъ бы коме допуштао,
Да му светце грди и безсвети,
А кралѣве вреѣа и безчести.
За то ћемо радо и весело,
За честь светогъ дома Неманьина,
За честь кѣри краля Милутина,
И за славу божѣгъ угодника,
Крвь пролити, животъ положити;
Алъ я, свете цркве вѣрный слуга,
То учинитъ налазимъ за добро,
Да се яви цару Бугарину,
Ако правду съ добрымъ неучини,

Да ће за сву крвцу проливену,
За сву бѣду и за сву несрећу
Грѣшна цара одговарат' душа;
А тешко є одговора дати,
За безумно проливену крвцу,
У неправди и беззаконію.“
Одговара Србскій царъ Стефане:
„Добро зборишъ божій светителю,
Хоћу тебе пуно послушати.“
Па є свѣтлый саборъ разпустіо.
Светители одоше у цркве,
Да се моле и бденія чине,
Не бы ли се Господь смиловао,
И одъ земль бѣду отвратіо;
А жупани и други властели,
Воєводе и кнезови силни,
Свак' у свою одоше државу,
Маче оштрит', оружъ опралят',
А коньике и пѣшаке купит';
Єръ свак' знаде, да ће боя быти.
Царъ Стефане свогъ дозива слугу:
„Баранине, моя вѣрна слуго,
Пиши кнѣигу цару Бугарскомє:
Свѣтлый брате, царе Бугарине,
Я самъ твою кнѣигу проучіо,
И што пишешъ у кнѣиги видіо;
Яко си се царе осиліо,
Не боишъ се ни Бога, ни людій.
Но се сѣти, царе Михаило,
Да се не да съ Богомъ воєвати,

Да се людска срећа често меня,
Данасъ твоя, а сутра є моя.
У миру су божи благослови,
А рату се изласка незнаде.
Грѣхъ є сладакъ, ал' веома кратакъ,
Права срећа у добры є дѣли.
Што си мене царе увредіо,
Я ти праштамъ, и Богъ т' опростіо;
Што си мога отца увредіо,
Онъ є светаць, слабе люде брани,
Измолиће т' кодъ Бога милости;
Но што си ми сестру увредіо,
Самъ си божіи законъ повредіо,
Царе, то ти я немогу опростити.
Людска ѿ дужность, законъ божіи бранит',
Власть казнити има преступнике,
А братъ сестру заступити мора,
По закону людскомъ и божіемъ.
Зато, брате, царе Бугарине,
Ил' се врати ты божіою правди,
И поправи проклету неправду,
Ил' ме чекай са юнац'ма моимъ,
И са страшномъ осветомъ божіомъ.
Прими ово као молбу или савѣтъ,
Узми свогъ законногъ друга натрагъ!
Чини добро, нећешъ се каяти.
Ако ли се грѣха неоканешъ,
У злу єси, горе ће ти бити;
Єрь су Србљи за божію правду,
За честь кѣри краля Милутина,

И за славу божѣгъ угодника,
Сви до єдногъ изгинутъ готови.
А каква є моя Србадія,
Ни єданъ ти погинути неће,
Докъ съ две свою не замене главу.
Крви людске пролирене быће,
Твоя за ню душа одговарати ће,
За сву бѣду, и за сву несрећу;
Тешко есте одговора дати
За безумно пролирену крвцу
У неправди и беззаконію! “ —
Чита царе, што му кнѣига пише,
Чита царе, ништа неговори,
Већъ онъ друге шилъ на тры стране.
Єдну шалъ цару Цариградску,
Да подигне свою силну войску,
И удари на Србскога краля;
Другу шилъ краљу Угарскоме,
Да подиже своє Угричиће,
И удара на Србскога краля;
Трећу шилъ граду Дубровнику,
Градскомъ кнезу, и великомъ вѣћу,
Да подигне младе Дубровчане,
И ударе на Србске краине;
Самъ пакъ сакупи своє Бугаре,
И удари на землю Србію.
Гласъ допаде Србскомъ царъ Стефану:
„Зло си сѣо, Србскій царъ Стефане,
Зло си сѣо, мударъ зборъ зборити,
Ето на те цара силеного,

Упаде ти у землю Србию,
У Елгоску страну горовиту,
Руши, пали, села и градове,
Старо сече, а младо окива,
Шилъ роблѣ у землю Бугарску.
Ево има и четири дана,
Како сѣиногъ невидимо сунца,
Одъ онога дима дебелога! “
Кадъ то чуо Србскій царъ Стефане,
Онъ зацѣкну кано люта гуя:
„Јо мени до Бога милога,
Шта ће рећи моя сиротиня,
На мене ће горко заплакати,
И клети ми и душу и тѣло.“
Па поскочи на ноге лагане,
Шилъ лаке на све стране улаке,
Да с' развію убойни баяцы,
И дижу се на войску юнацы,
Да се купе пешцы и коньицы,
Пребираю на Добриче поляницы;
Гди с' 'Гоплица бѣли край Мораве,
А на сусреть цару Бугарскоме —

За мало е постояло време,
Силена се сакупила войска,
Изъ Конавля, и изъ Виталине,
Драчевице, землѣ Жрновичке,
Изъ Рудине и изъ Крушевице,
И Даленске богате равнице,
Са Растока зелена езера,

И одъ бѣлы градова са мора,
Одъ Острога, Врулъ и Мокрога,
Одъ Обода, Люте и Цаптата,
Одъ Требиня, и града Сокола,
Одъ Новога, Рисна бѣла;
Свака чета са своимъ войводомъ.
Надъ свима є главнымъ воєводомъ
Кнезь Воине, зеть Стефана краля,
И онъ води до хиляду друга,
Кое пешца, а кое коньика,
Све поредомъ избраны момака,
Изабраны, добро оружаны.
И друга є чета пристигнула,
Одъ бѣла Скадра на Бояни,
И Будимлъ на води Морачи,
И одъ Дуклъ, града поносита,
Подъ кимъ съ Морачомъ се гръли Цета,
Одъ Котора и одъ Будве града,
Кое перу морски таласеви,
Те се бѣле кано лабудови;
Изъ Подлужя, Лѣске и Папрате,
Облачића, Горске и Грахполя,
Изъ Кучева и изъ Кренице,
Мало друга, едно петъ стотина,
Алъ самога огня жестокога,
Предъ нѣма є главный воєвода,
Кнезь Жигловићъ, лютый змай планинскій.
И трећа є чета пристигнула,
Одъ Захулмске земль силовите,
Дѣдовине дома Неманьина,

Одъ Ужице и одъ Драча града,
Одъ Мокрска, Хлума и Глумника,
Изъ Мораче, Пиве и Гацкога,
Оногошћа, Раме и Нерета,
Изъ Гучева, Стона и Жабице,
И Поповске долине зелене,
Изъ Дубраве, Дебра, Невесиня,
Свако племе подъ своимъ барякомъ,
Цѣла чета две хиляде друга,
Подъ войводомъ кнеже Владиславомъ.
И четврта чета пристигнула,
Одъ Рассіе са земль кралѣве,
Одъ Приштине и Призрена града,
Одъ Ипека и одъ Вучитрна,
Одъ Петрића и града Звечана,
Одъ Сѣнице и Полога града,
Одъ Триполя и Новогабрда,
И осталы у земљи градова.
Свега има тры хиляде друга,
Све госпode и господичића,
Подъ войводомъ Мамякомъ Деаномъ,
Глава іой е Србскій царъ Стефане,
Са барякомъ лозе Неманѣине.
И пета е чета пристигнула,
Одъ Србіе земль изъ юнака,
Одъ Мачковца на води Морави,
Одъ Крушевца, Хвостна и Рудника,
Сане, Пливе и одъ Земальника,
Одъ Лознице, Плаве и Пореча,
Одъ Валѣва, и Ораховице,

Одъ Деснице, и Лешника града,
Одъ Дрежника, и одъ Меѳуреча,
Одъ Топлице и одъ Косалнице,
Чернабуче и Голеча града,
Изъ Загоря и изъ Лугомира,
Крушилнице, Борче, Лепенице,
И осталы у земли градова.
Свега има тры хиляде друга,
Подъ жуѳаномъ, подъ Николомъ Буѳомъ,
И юнакомъ Бориловиѳъ Кузмомъ,
Све юнацы весела имъ майка,
Да ий с' доста немо'шь нагледати.
Глава имъ є младый краль Душане.
И шеста є чета пристигнула,
Одъ онога Срема китнястога,
Одъ Дабраца града кральвога,
И одъ града светогъ Димитрія,
И остале земль и градова,
Свега друга само петъ стотина,
Ал' юнака одъ сама челика,
Гди ко стао, ту є и остао,
Напредъ увѳкъ а натрагъ никада.
Предъ нѳима є воєвода Райко,
Крстіо га крало Драгутине,
У Дабрацу двору веселоме,
Крстіо га болѳгъ не крстіо.
И остале чете пристигнуле,
Браничевцы, и млади Кучевцы,
Одъ Ковина и одъ Ждрела града,
И льпога мѳста Смедерева,

Мало друга, єдно петъ стотина,
На хиляду пуну удариће,
Удариће, чудо учиниће,
Свакій носи два срца юначка.
Предъ нѣма є войвода Градиславе,
Кажу, вила да му мати была.
И юнацы одъ Липляна града,
Одъ Зльтова и града Пянца,
И Овчія поля широкого,
Ни су дали на себе чекати:
Нова войска подъ старымъ войводомъ,
Подъ жупаномъ Разбитурке Враткомъ.
Скоро ова земля добиєна,
Па садъ прва войска изведена,
Да се бори за свогъ новогъ краля,
И за свою нову домовину.
Оштро гледе, юначки се држе,
Добро ће се войска приказати,
Славно име хоће заслужити.
Како не бы подъ таквымъ войводомъ,
У боеви кои се украсіо сѣдиномъ.
Кои знаде дати заповѣсти,
И грунути кадъ валя грунути,
Да га немож' нико уздржати.
Юштъ се єдна чета приключила єдра,
Чета одъ хиляду, али друга храбра,
Изъ Франціє земль изъ далека,
Незнашъ кои є вышшій одъ коєга,
Кои ли одъ коєга снажніи,
У челику синѣмъ оковани,

На коньима яко оклопльнимъ.
Нъи предводи Казнаць Балдовине,
Вештина му нигде невиђена.
Глава имъ є Србскій царъ Стефане. —

Кадъ се тако войска искупила,
Међ' войводам' лъпо поздравила,
Сви се руковаше, па и излюбише,
Као сынови єдне домовине.
Текъ се мало одморила войска,
Ал' ето ти брзїє улака,
Коньи имъ се яко озноили
И у саму пъну учинили.
Они носе гласе о Бугари.
Пытао їй Србскій царъ Стефане:
„Слуге мое, види сте л' Бугаре?
Єл' весела войска Бугарина?“
А улацы говорили кралю:
„Свѣтлый кралю, видисмо Бугаре,
Лежи войска на води Струмицы,
Подъ Землянѡмъ, подъ бїєлымъ градомъ;
Велика є сила у Бугара,
Колико є полъ подъ Землянѡмъ,
Све су полъ тишмомъ претиснули.
Ако имашъ волю саслушати,
Сву ћемо ти редѡмъ изброяти,
Кое єсу чете подъ коимъ
У Бугара войводѡмъ.
Прва чета єсте у Бугара
Све поизборъ млади Црноморцы,

Одъ Керсове и одъ Варне града,
Истрополя на мору Сокола,
И осталы мѣста и градова.
Предъ нѣма є Белауръ войвода,
Братъ роѣный цара Михаила,
Што господствомъ за царомъ долази,
А юначствомъ никомъ не уступа.
Друга єсте чета у Бугара,
Са Дунава водице лаѣане,
Одъ Видина и Аксіополя,
Славомира и одъ Никополя,
И остале земль и градова.
Добра чета подъ добрымъ юнакомъ,
Подъ Раксиномъ царевымъ войводомъ.
А треѣна є чета у Бугара,
Изъ старинске изъ земль Тракиє,
И господске земль Романіє,
Одъ Прескаве и Плискова града,
Одъ Ранхуба, Копсе и Стилбона.
Предъ нѣма є Деспоть Михаиле,
Сужанъ быо цару Цариградскомъ,
Садъ га царе пусти изъ сужанства,
Да се наѣе юнакъ предъ юнацы.
Четврта є у Бугара чета,
Одъ Грнова одъ града царева,
Одъ Славице, и одъ Тріядице,
Одъ Вураца и одъ Кишоловца,
Одъ Клисуре и Боіона града,
Одъ Перника, града Кракринога,
Са Стопоня поля пространога,

И одъ други у земљи градова.
Све господа и господичићи,
Оружѣ имъ огрезло у злату,
Одъ сребра се невиди челика.
Глава имъ є царе Михаиле,
Предъ нѣма се царскій барякъ віє,
Кои има силу чудотворну,
Єрь докъ надъ нѣмъ тай се барякъ віє,
Бугарина придобити ніє.
Пета чета єсте у Бугара,
Одъ Загоря и Палагоніє,
Моровизда и землѣ Модленске,
Одъ славнога града Желѣзника,
Одъ Дебелта и одъ Меленика,
Одъ Струмице, Соске, и Острова,
Одъ Термице Просека града,
Одъ Илеса, града славлѣнога,
Гди є силно некадъ было благо
Бугарскога цара Самуила.
Одъ Моглена и Нотіє града,
И осталы царевы градова.
Предъ нѣма є Бугаринъ Босило,
Кои сѣди цару Андронику,
Рад' господства и юначства свога,
У савѣту узъ десно колѣно.
А шеста є чета у Бугара,
Одъ Семене и Агатополя,
Одъ Прилапа и одъ Созополя,
Одъ Лардеє и одъ Силивріє,
Одъ Стипсова и одъ Месевріє,

Одъ Охрида и одъ Касторіе,
Са планина Гмора, Валависте,
Съ рѣка Црне, Скафиде и Круна,
Гди Елшимиръ има свое дворе,
Деспоть силный одъ земля Бугарске.
Свое стараць самъ води юнаке,
Страхъ одъ Грка, дика одъ Бугара. —
То су, кралю, чете у Бугара,
У свіемъ е петнаестъ хиляда,
Све то самы люты оклопника.
А што пыташь, Србскій царъ Стефане,
Ел' весела войска Бугарина?
Есть весела войска Бугарина,
Сви пѣваю пѣсме убоите,
И играю игре одъ юнака,
Радую се крвцы и добытку,
Грде Срблѣ, ругаю се нѣима,
И зову їй плашльивицама.
Замыслио с' Србскій царъ Стефане,
Пошутао, па їй запытао:
„Слуге мое есте ли дознали
Ко е Бугарима у помоћи?“
„Свѣтлый царе, и то смо дознали.
Бугарима есу у помоћи,
Тры хиляде Кримскіе Татара,
Две хиляде Нѣмачки коньика,
И хиляда хитры Куманаца.
Юшть веһой се надаю помоћи,
Едной войсцы одъ цара Грчкога,
Другой войсцы одъ Угарскогъ краля,

Трећој войсци града Дубровника:
Съ четир' стране мысле ударити.“
Кадъ то чуо Србскій царъ Стефане,
У свиленый шаторъ є ушао,
У молитви на колѣна пао:
„Благій Боже! мыслишь ли казнити,
Казни мене, како теби драго,
Узми мене и животъ и царство,
Ал' сачувай мою Србадію,
Коя скуша твоє заповѣсти,
И твой законъ выше свега цени!“
А кадъ царе Богу с' помоліо,
Мало му є срцу одлануло,
Па сазива свое воєводе,
Да се съ нѣима о том' разговара,
Шта да раде, како да се бране.
Текъ се саборъ стао свѣтовати,
Ал' ето ти кнеза Сушенице,
Савъ му коньицъ у пени огрезао,
Како га є кнеже озноіо.
Съ коня скаче, а за краля пыта.
У саборъ га одведоше слуге.
Кнезъ господи Божю помоћ дає,
А краљ нѣга за гласъ добаръ пыта.
„Добри гласи Србскій царъ Стефане,
Одъ Грка се ништ' плашити немашъ.
Кренуо се царъ изъ Цариграда,
Ал' на тебе ударати неће,
Докъ невиди срећу Бугарина.
Памти царе саблю Милутина, 5)

Па се бои одъ нѣ и кодъ сына.“
Сушеница текъ свршио рѣчи,
Ал' ето ти Куряковићъ кнеза,
Свег' у праху и у зною црном'.
„Божа т' помоћъ, Србскій царъ Стефане,
Добри гласи одъ Угарскогъ краля;
Добро краљъ є Влашку запамтіо, б)
Свакій путь се Деже неналази.
Краљъ не мысли на те ударити,
Докъ невиди срећу Бугарина.“
Разведри се Србскій царъ Стефане,
Па говори своимъ войводама:
„Хвала Богу, хвала єдиному,
Милость му се ево показує,
Надати се срећи и напредку.
Кадъ смо мирни одъ цара Грчкога,
И онога краля Угарскога,
Дубровникъ намъ наудит' неможе.“
Текъ краљъ ове изрекао рѣчи,
Ал' ето ти войводе Младена,
Божю помоћъ онъ назива краљу,
И овако нѣму проговара:
„Дубровчани са памети славни,
Дознали су за цара Грчкога,
И за оногъ краля Угарскога,
Да не мысле на те ударити,
Оставише страну Бугарина,
Послаше ти хитра посланика,
Да ти одъ нѣи изручи поздравлѣ,
И изяви право пріятельство,

Какво съ твои имали су стари.“
Проговара Србскій царъ Стефане:
„Богъ є съ нама, ко ће супротъ нама!
Айд'те браћо, и скочите весело,
Быће слава и побѣда наша за цело!““

Ту застао стараць Драгославе,
Да затегне жице на гуслама,
Єрь ячи му гласови требаю,
Кадъ се силне войске удараю.

Кадъ Драгославъ гусле удесіо,
Овако є пѣсму наставіо:
„Одтале се войска подигнула,
Све по реду, барякъ за барякомъ,
Докъ не дошли на воду Каменчу,
На Каменчи таборъ начинише,
Те с' съ Бугари угледаше,
Кадъ Бугари опазише Срблѣ,
И како се свѣтли имъ оружѣ,
Повикаше изъ грла яснога:
„Ево нама лова и богатства,
Быће блага свакомъ доста.“

Мыслио се Србскій царъ Стефане:
Радіє се о миру говори,
Кадъ оружѣ предъ очима сѣва.
Па онъ цару ситну кнѣигу пише,
И у кнѣизи нѣму проговара:
„Чуєшѣ мене, царе Бугарине,

Коя ти є голема неволя?
Што ми палишь села и градове?
Што ли сѣчешь мою сиротиню?
Кою самь ти злобу учиню?
Зашто водишь отрове Татаре
На народе одь Христове вѣре?
Надась ли се царе спасенію
Одь пресвете крви Спасителя?
Знашь ли царе, а то знати морашь,
Одь оца си твога научю,
Ко за туђимь добромь пружа руку,
И своє ће лако изгубити.
Тако хоће правда неумитна.
Него айде, да мирь учинимо,
Пріятели опеть да будемо,
Быће боль и мени и теби.“
Чує царе, па се сгоропади,
И повиче, што грло донело:
„Ако сутра кадъ засійне сунце,
Царь Стефане предь мене не дође,
Да му станемь ногомь на кркачу,
И пошнемь се на коня витеза,
Хођу нѣга оковати срамно,
Свакоякимь мучити мукама,
И бацит' га грабљивымь тицама,
Некъ се часте редкомь посластицомь,
Сладкимь вѣнчанога краля месомь,
Некъ имаю, што имале нису,
Одь како є и свѣта и тица.“
А кадъ види Србскій царь Стефане,

Да Бугаринъ неће да се мири,
Онъ учини поноћно бденіе,
И припаде Богу на молитву.
Опра руке одъ крви невине,
И свой животъ Богу препоручи.
А кадъ свето бденіе свршише,
Шатору се кралѣвомъ скупише,
Све войводе велики и мали,
Да се они о томъ договоре,
Како напастъ треба на Бугаре.
Пре одъ свою младый краль устане,
И овако бесѣдити почне:
„Свѣтлый крало, милый родителю!
И остала сва господо славна!
Радъ бы найпре я чуо старіе,
Ал' кадъ морамъ говорити првый,
Послушайте што ѣу да вамъ кажемъ,
Па примите, или одбаците.
Поправите, ил' преиначите,
Я ѣу радо на боль пристати.
Я самъ дозн'о, неприятель како лежи,
Сазнао самъ цѣлу околину:
Бугари су среду заузели,
Поредъ нѣи су Нѣмачки конѣицы,
Кумани су на десноме крилу,
А Татари лѣво су смештени.
На Бугаре валя одредити
Захумляне Срблѣ и Рашчане,
Нек' се дебло удара о дебло,
Оштаръ кременъ о тврдо оццло.

На Татаре валя оправити
Хитру войску, юначке Поморце,
Съ новомъ войскомъ подъ Враткомъ жу-
паномъ,

Нек' имену своме Разбитурке
Дода ново и Разбитатаре.
На Кумане нека иду Сремцы,
Они свое сусѣде познаю,
Найсгодніе нѣи ѣе послужити.
Браничевцы и Кучевцы
Нека стое острагъ у одмору,
И притеку кудъ притеѣи валя,
И допуне, гди допунит' треба.
А кадъ обе ударе се войске,
Свак' ѣе знати, шта му чинит' валя;
Само треба на умъ се узети
Одъ Татара, стары варалица.
Ако снажно Татари ударе,
Оштро имъ се треба одапрети;
Пробию ли, ил' узбию л' мало,
Сви побѣсне, побѣда є нѣина;
Ако тры пут' оштаръ одпоръ наѣу,
Поплаше се, надежду изгубе,
Неѣе быти тежко іѣ побити.
А овлашъ ли ударе Татари,
Чуват' іѣ се, на превару мысле,
Одмамиѣе, навест' на заседу.
Съ Бугарима быѣе окршая;
Бугари су врло іогунасти,
Гди ко стао, ту є и остао,

Докъ годъ види цареву заставу,
И докъ знаде цара у животу.
Нѣи ѣе ваят' сѣѣи и сасѣѣи,
Быѣе посла за добра юнака.
Балдовину оставимо Нѣмце.
А Сремцима мыслимъ свѣтовати,
Да се они ману коняника,
Веѣѣ нек' гледи конѣ да уморе,
Ови коплѣмъ, а они стрѣлама,
Други ноге нек' имъ мачемъ сѣку,
Видиѣемо, поплашиѣемо иѣ,
Оставиѣе и насъ и Бугаре,
И побѣѣи безъ трага и гласа.“
Кадъ є Душанъ бесѣду свршио,
Све войводе кликомъ ускликнуше,
И войводомъ своимъ нѣга учинише.
Рѣчь прехвати царъ Стефане:
„Краль Душане и любезный' сыне!
Кадъ си тако добро размыслио,
А ты гледай па добро и сврши.
Я ѣу быти са мои Рашчани,
Поредъ мене Владиславъ сѣ Захулмцы.
Сремцы свога войводу имаду,
А Поморцы и нова дружина
Нека Вратка слушаю жупана,
Балдовинъ ѣе своє управляти,
А ты твоє храбре подай Срблѣ
Или Буѣи, ил' Бориловиѣу,
А самъ води цѣлу мою войску.“ —
У том' бѣла зора заплавила,

И войводе войскама позвала,
Да се свойски за войску преправе.

Кадъ се сунце на небу укаже,
Цѣлу войску преправну застане.
Чека Душанъ да Бугари доѹу,
Ал' се они ни съ мѣста некреѹу;
Ютро проѹе, данъ до подне доѹе,
Юшть Бугаринъ и немисли ударити.
А кадъ сунце на по дана было,
Рече Душанъ Срблъмъ ударити. —
Боже милый и Богородице!
Кадъ се силне две састаше войске,
Затресе се земля подъ ногама,
А загрми небо надъ главама.
Одъ силены юначки гласова,
И громовны убойты труба,
И ржання коня одъ мейдана.
Кадъ удари Србльинъ на Бугара,
Стаде лупа челичны оклопа,
Стои цыка огнѣны мачева,
Стои крша убойны копаля.
Како сложно Србљи ударише,
Бугари се мало препануше,
Еданъ коракъ натрагъ потргоше,
Ал' се таки люто покаяше,
И на Срблъ оштро навалише,
Да ий крену съ мѣста уграблъна;
Но Србљи су стѣна одъ камена,
Кренути се ни стопе недаду,

Већъ се боре као лавови,
Копљемъ боду, а сѣку мачеви,
Буздован'ма оклопе лупаю.
Навалюю юначки Бугари,
Као силни на мору таласи,
Стоє Србљи юначко колѣно,
Као брегови одъ синѣгъ камена.
Ништ' се незна, коме срећа служи.
Само с' чує јукъ и врисканѣ,
Люта псовка, и крвничка клетва. —
Душанъ има око соколово,
На све стране види шта се ради;
Онымъ шилѣ добре заповѣсти,
Овде помоћ' својомъ мишцомъ дає.
Кржаве се Сремцы са Кумани,
Ови хитри, они јошть хитри,
Добри стрѣлцы и єдни и други.
Што є више на брою Кумана,
То вѣштиномъ Сремцы допунише;
Свакій одъ нѣи пушта по две стреле,
Съ обе руке стрелят' научени.
После краткогъ боя ал' жестокогъ,
Грдна штета паде на Кумане,
И расу іѣ на све четир' стране,
Као плева вѣтромъ разнешена.
Райко стане, да зной съ чела сатре,
А Душанъ га по рамену куцне:
„Право, Райко, весела намъ майка,
Ты изврши, како бы најболѣ.
А садъ пошљи єдну чету малу,

Нека гони поплашене и разгони,
Да с' нескупе, на ново не дођу;
Па съ другима одмори се мало,
И на нове чекай заповѣсти.
То изрече yine с' као муња,
И одлети преко поля бойна,
Да погледи како Вратко иде,
Противъ оны жестоки Татара.
Све є кралоу по желъи испало.
Вратко старый са свои Поморцы
Нагнао є Татаре Струмицы,
И кои први дошли рѣцы
Препливали на добри коньицы,
И отишли право у Татарску,
Да са Србскимъ плѣномъ се похвале;
Другимъ такве згоде не запале,
У мутной се води потопили;
'Грећій гину одъ Србски копаля,
Оштры стрѣла и люты мачева.
Не бы дуго боя жестокога,
Чисто полъ оста одъ Татара,
Изъ далека облацы се виде,
Одъ пращине исподъ бегаюћи.
Вратко коня текъ зауставіо,
И туріо саблю у корице,
А краль младый войводи повиче:
„Одмори се мой добрый старино,
Како си ій люто заплашіо,
'Татари се зауставит' неће,
Доkjъ небуду иза Цариграда.“

Па ободѣ коня виловита,
И вину се преко поля убоита,
Оде право Французской дружини,
Па говори кнезу Балдовину:
„Како кнеже тебе среѣна служи?
Сремцы свое разсули Кумане,
Жупанъ Вратко Татаре крстіо,
Како твои владаю се Нѣмцы?“
Кнезь Балдовинъ кралою одговара:
„Хвала кралою на таквоме гласу!
Нѣмцы су се яко укопали,
Немогу имъ ни са кое стране.
Доста ми є изгнуло людій.
Садъ ѣу грунутъ изъ све мое снаге;
Или ѣемо садъ Нѣмце пробити,
Ил' до єдногъ овде изгнути.“
То изрече, заповѣсти даде.
Сиѣоше се неколико друга,
Люте саблѣ у зубе узеше,
Съ обе руке копля убоита,
Па юришемъ Нѣмце нападоше,
Копляма имъ конѣ уморише,
Меѣ првима врата отворише,
За нѣма є Балдовинъ пристао,
Са дружиномъ на конѣицы лакоу,
Ускочио съ нѣма у душмане,
Напредъ путе себи крчи силно,
Неможе му одолѣти нико.
Измешаше с' Нѣмцы и Французы.
Па да видишъ тешка окршая,

Кадъ се дивльи клат' сташе звѣрови,
Тигри люти съ яростны лавовы.
Црна крвца потокомъ се просу,
Напуни се полъ мртвацыма. —
Душанъ къ своимъ поитію Срблъмъ,
Нашао іѣ у крвавомъ кланю.
Неда Србинъ ока отворити,
А Бугаринъ жмурейки удара.
Гди удара рука одъ Србльина,
Онде крвца све таласи врца;
Гди удара рука Бугарина,
Одъ оклопа комаѣе одлеѣе.
А да видишь Србскогъ царъ Стефана,
Како сабля у руцы му игра.
По двоицу на копль набія,
Упропнице дората наганя,
Конѣмъ гази а мачемъ убія.
Ал' є пуста сила у Бугара,
Єданъ падне, двоица г' замену.
Дуго су се єдномъ среѣномъ клали:
Нит' се даю Бугари пробити,
Нити могу Срблъ да пробію.
Кадъ то виде кнеже Владиславе,
Онъ одбацы копль убойто,
Съ обе руке сграби палошину,
Па завитли себи изнадъ главе,
И пусти га насти на Бугаре.
Четворицу на махъ оборію,
И на нѣино мѣсто ускочію,
Па другій путь палощъ завитлію,

Съ четворицомъ путь си прокрчио.
Кадъ то чудо Бугари видише,
Кнеза дочекати несмедоше,
Нѣму на све стране пута праве
Како цару Михаилу своме. —
Царъ Михаилъ салетио Срблѣ,
Како орао сиве соколове.
Есу Срблѣи на гласу юнацы,
Ал' какавъ є царє Михаило,
Неможе му на путь стати нико.
Яши царє коня халовита,
Зубма гризе а ногама гази,
Ни на близу не да приступити,
А царъ носи коплѣ убоито,
Гди удари, ту скрожѣу пробія,
Па обара коня и юнака;
А гди падне царевъ палошина,
Ил' просѣче ил' у землю сбиє.
За царомъ су Бугари пристали,
Хтѣше Срблѣ заиста надбити.
Но садъ види царє Бугарине,
Гди Владиславъ Бугаре му коси,
Како жетеоць сазреле класове.
Онъ се мане Срблѣ поражават',
Остави їй своимъ Бугарима,
А онъ коня обрну витеза,
И предъ кнеза оде Владислава.
Изъ далека нѣму довикує:
„Стани кнеже, остави Бугаре,
Я самъ твоє Срблѣ оставио;

Єси л' юнакъ, ево ти юнака,
Стани кнеже, да се огледамо.
То изусти, а копль испусти,
Лупи кнеза у юначке груди,
Како га є лако ударіо,
Кнежевъ ђогатъ назадъ посрнуо,
Ал' изъ седла кнезъ се некреноуо,
Па потргао мача пламенога,
И на кнеза юришомъ напао,
Ока нѣму отворит' недао:
Но се брани кнеже Владиславе,
Шестопернымъ буздованомъ своимъ,
На буздованъ мачъ є дочекиво,
И одъ себе вѣшто г' одбіао,
Свомъ ђогату ребра претискао,
Тры аршина натрагъ поскочіо,
Палошину грдну завитліо,
Пустіо га на цара Бугарска.
Да ухвати цара палощина,
Са земльомъ бы нѣга саставіо,
Ал' є царе съ конѣмъ варакнуо,
Вѣшто испредъ палощине измакнуо.
Садъ се зачу вриска одъ Бугара,
Царъ погледи има шта видите,
Србльи натрагъ Бугаре узбили,
Па нагнали на заставу царску.
Око нѣ су найбільи юнацы
Све по изборъ млади оклопници.
Ни єданъ се съ мѣста свогъ некреће,
Погинуће, ал' се маѣи неће:

Но су Србљи люто притиснули,
Єдни знаду, шта могу добити,
Други знаду, шта ће изгубити,
Па се єдни узъ друге притисли.
Побацали копля и мачеве,
Повадили огнѣне ножеве,
Па се грле, а ножеви колю.
Царъ се прену опази неволю,
И остави кнеза Владислава,
А похита у помоћъ своима.
Не бы царє оставіо кнеза,
Поузд'о бы с' у своє Бугаре,
И у славногъ свога Стѣгоношу,
Већъ опази предъ Србљи юнака,
Надъ свомъ войскомъ перо му се тресе,
У высини равна непознає.
Види царє како юнакъ сѣче,
Хоће нѣму сасећи Бугаре,
Погубиће Кракрина унука,
И отеће цареву заставу,
Зато царє кнеза оставіо,
Па своима у помоћъ похитао,
Пихитао, али доцканъ допао,
Єрѣ юнака нико неподнео.
Тако сѣче Бугаре цареве,
Као косіоцъ ливадске цвѣтове,
Тако гони цареве Деліє,
Као орао тице голубице.
Потукао, што му на путь стало,
Растерао, што утећи могло.

С т ѣ г о и о ш у к р о з ѣ с р ц е п р о б ѿ о ,
И з а с т а в у ц а р с к у о с в о ѿ о .
С а д ѣ в е с е л о С р б ѣ и з а к л и к т а ш е ,
А Б у г а р и н и к о м ѣ п о н и к о ш е .

В е ѣ ѣ с е с у н ц е з а п а д у н а г н у л о ,
К а д ѣ Б у г а р и б а р я к ѣ и з г у б и л и ,
А л ' е т о т и ц а р а М и х а и л а ,
И з д а л е к а г р о м о г л а с н о в и ч е :

„ С т а н и м о м ч е с ѣ ц а р е в ы м ѣ б а р я к о м ѣ ,
З а ц а р е в о с ѣ ц а р е м ѣ с е п о г а ѣ а . “

Д у ш а н ѣ д а д е б а р я к ѣ В и т о м и р у ,
(О н ѣ г а д о б ы в е с е о м у б а б а й к о !)

П а с ' о к р е н у ц а р у Б у г а р с к о м у ,
И о в а к о н ѣ м у п р о г о в а р а :

„ П р а в д а , ц а р е , о в а м о т е в о д и !

П р е п р а в и с е д а т и п л а т и м ѣ л ю б а в ѣ ,
К о ю с и м и т е т к и Н е д и у ч и н и о . “

Ц а р ѣ Б у г а р и н ѣ к р а л ю о д г о в а р а :

„ Г а т ы л и с и к р в н и ч к о к о л ѣ н о !

Х в а л а Б о г у , к а д ѣ т е т а к о д е с и ,

В о л е м ѣ т е б е о в д е п о г у б и т и ,

Н е г о Т р н о в ѣ с ѣ т о б о м ѣ с р а м о т и т и . “

Т о и з р е к ' о , н а к р а л я н а п а о ,

К о н ѣ м у л е т и , к а н ' д а к р ы л а и м а ,

У м а х ѣ е д а н ѣ н а с в е ч е т и р ѣ с т р а н е ,

К а о м у н я к р а л ю п р и с к о ч и о ,

К а о м у н я н а т р а г ѣ о д с к о ч и о ,

А ц а р ѣ с ѣ м а ч е м ѣ у д е с н и ц ы р у ц ы ,

А у л ѣ в о й с ѣ к о ш л ѣ м ѣ у б о и т ы м ѣ ,

Сѣче, боде, и съ десна и съ лѣва,
Неда кралю ока отворити.
Обе войске стале на гледале,
Коме ће се срећа насмеяти,
Кралю Србскомъ, ил' цару Бугарскомъ.
Ладна брига Срблѣ обузела,
Ерѣ є силанъ царе М и х а и л е ,
А Д у ш а н а текъ брада пробила.
Бугари се побѣди надаю :
Свакѣй види, сва садъ срећа лежи
У мышца ова два юнака.
Гласъ допаде Србскомъ цар' Стефану :
„Зла ти срећа Србскѣй цар' Стефане!
Хоћешъ данасъ сына изгубити,
Напао га царе Бугарине,
Хоће нѣга погубити млада.“
Кадъ то чуо Србскѣй царъ Стефане,
Рашчане є свое оставіо,
И безъ душе сыну полетіо,
Да га своимъ животомъ одкупи ;
Нашао сына у великой бѣди
Одъ силнога цара Бугарскога.
Ал' є Душанъ юначко колѣно,
Кадъ видіо да неможе ударати,
На умъ уз'о, како се бранити,
У обрани юнакъ се познає,
К'о у истомъ нападаню ономъ :
Свакѣй ударъ царевъ дочекао,
Учиніо да празанъ остао,
Већъ хиљада пало удараца,

А ни капльомъ не потекла крвца.
Чудно с' чини Срблѣмъ и Бугаромъ:
Срблѣмъ сташе срца се сгрѣвати,
А Бугаре гроза пролазити,
Ерѣ видише да се царѣ суства.
Слаби су нѣгови ударцы,
Слаби су и реѣ падаю.
Коня му є пѣна попанула,
Пола бѣла, а пола крвава.
Садѣ є Душанѣ коплѣ угодію,
И на цара юришѣ учинію;
Намыслио у прси юначке;
Ал' є витезѣ коньциѣ одѣ мейдана,
Познао є, шта юнаку прети:
У пропнице витезѣ подскочио,
Бойно коплѣ у прси примію,
Избавіо свога господара,
Ал' живѣ ніє до землѣ дошао.
Скочи царе са коня витеза,
Душанѣ скочи са свога алата,
Срамота се нѣму учинило,
Ударити на пѣшца конькику,
На потеже мача огнѣнога,
И нападе цара Бугарскога,
Притискао, неда одапути,
Мило цару враѣао за драго.
Ел' краль быо у невољи лотой,
Царѣ се садѣ у црнѣой нашао,
Неможе се доста наодбіят'
Учестаны люты удараца.

Кадъ Душану игра огадила,
Сграби мача са обадве руке,
И прискочи цару Бугарскоме,
Удари га ударцемъ юначкимъ,
Посредъ главе преко перянице.
Затресе се царе одъ ударца,
Затресе се, на колѣна паде,
Како паде, више неустаде,
Крвь га обли на землю се свали;
Лютый челикъ перѣ пресекао,
И на глави оклопъ просѣкао,
Те крозь мозакъ скрожѣу прохуктїо,
На две поле главу развалїо:
Мртавь оста царе М и х а и л е. —
Србска войска кликомъ ускликнула,
А Бугарска никомъ поникнула.

Б р а н и ч е в ц ы и К у ч е в ц ы
Немогоше срцу одолѣти,
Гледаюћи юначко веселѣ,
Већ са своимъ виловитымъ воћомъ,
Наћоше се за лећи Бугаромъ,
Па са С р е м ц ы и хитри П о м о р ц ы
Начинише оборъ страховитый,
Колѣ копля, а поплетъ палоши,
Тешко свакомъ кои є у нѣму,
А іоштъ горе кои крозь нѣга нагне.
У невољи Бугари се нашли,
Главе нема, уредбе нестало,
Нико незна, шта му чинитъ валя.

У Србаля срце с' разгреяло,
И юначке мишце разиграле.
Као репу све бы порибали.
Ал' недаде Србскій царъ Стефане,
Већъ дозива предъ себе гласника,
Учи нѣга шта ће говорити,
Па га шилъ предъ Бугарску войску.
Оде гласникъ на громко повика:
„Чуйте мене Бугарски юнацы!
Поздравъ вама одъ цара Стефана.
Цару жао крви одъ юнака,
Доста вама славе и юначства.
Богъ е казао, коя ѣ глава крива,
Коя ѣ крива, садъ већъ нѣе жива.
Одпашите свѣтло оружје,
Положте га предъ ноге кралѣве:
У нѣга е милость превелика,
Све ће примит' као пріятель,
И како е' за юнаке болъ.
Ако л' нѣговъ непримите савѣтъ,
Учиниће што мора учинит',
Све до єдногъ хоће погубити,
Некъ се сатре и сѣме неправде,
У оныма, кои нѣойзи служе.“
Кадъ Бугари саслушали рѣчи,
Мећъ нѣима се дигла халабука,
Као кадъ се громовни облацы
Удараю съ ушаснымъ трештенѣмъ.
Паметъ каже послушати краля,
А крвь врела хвата за оружѣ:

И бы крвца паметъ надвладала,
Да с' недиже деспотъ Елшимире,
И са свога великогъ кулаша,
Обливеденогъ крвлю одъ юнака,
Своимъ ове неповиче рѣчи:
„Погледайте мене и кулаша!
Кулашъ ми є у крви огрезао,
И мое є, ал' є више туђе;
Я у грудма грдну ранну носимъ,
Одъ кое вамъ преболети нећу.
Кои коня тако зна окупат,
Неплаши се копля ни мачева,
Ко смртъ ладну носи у нѣдрима,
Нема с' чуват' одъ смртногъ ударца.
Чуйте мене, па ме послушайте,
Више ми є одъ лютине правда,
Одъ саяности милія истина.
Прим'те савѣтъ Србскогъ цар' Стефана,
Прим'те милость, кою нами дає,
Остав'те се крвавогъ душманства,
И будите Срблѣмъ пріятельи.
Докъ є было цара Михаила,
Свакогъ дужность за нѣм' є водила,
Нѣгово є было ствари судит',
Што онъ рекне, наше извршиват':
Нѣга ніє, садъ морамо съ правдомъ,
А правда є са кралѣмъ Стефаномъ.
Ил' срамоте бое се юнацы?
Срамота є съ безбожны мачеви
Правду гонит', Богу пркосити,

И умрети као разбойници:
Ил' сте ради ваше сачувати,
Домъ одъ огня, дѣцу одъ мачева?
Мы смо Срблѣмъ учинили добро,
Изгинути можемо безбрижно:
Быће дима по земљи Бугарской,
Као што є по Србији было,
По Загору потећи ће крвца,
Као што є текла по Елгосу!
Предъ вама є правда и благословъ,
За вама су ваши наймили:
Ко за правду бойно коплѣ носи,
И мачъ паше, да му свой непроси,
Замномъ айде Србскомъ цар' Стефану."
То рекао, па кулаша стегао,
Право пош'о кудъ за добро нашао,
А за њиме сва се дала войска.
Найпре своє велике войводе
Одпасаше свѣтло оружје,
И предъ ноге краљу положише,
Па за њима манѣ четовође,
А за овимъ други витезови,
И остала сва колика войска.
Текъ што войска предала оружѣ,
Ал' повика деспоть Елшимире:
„Хвала Богу, я умиремъ мирно.
Бугарска є моя избавлѣна.“
То говори, а съ душомъ се бори.
Притекоше са помоћу руке,
Скинуше му челичне оклопе:

Ал' смртъ тѣло пре скинула съ душе;
Подъ оклопомъ юнакъ издануо:
На прси му грдна ранна плюшти,
У лопте се крвца усирила,
Оштро копль провалило груди,
И край срца отворило врата,
Те са крвлю животъ изишао.
Уздануо Србскій царъ Стефане,
Обе за нѣмъ уздануле войске,
А Бугари и сузе пролили,
Кадъ юнака мртвога однели,
Однели га и край цара положили,
Сбогъ кога су многи животъ изгубили.

Бога хвали Србскій царъ Стефане,
Пада царе земљи на колена,
А за нѣме цела Србска войска.
А кадъ свою свршише молитву,
Краль дозива свога милогъ сына,
Па га грли и у чело любви,
И овако нѣму проговара:

„Милый сыне, милый мой Душане!
Ты освѣтла образъ нама свыма,
Есамъ тебе кральмъ учиніо,
Да ѣу теби цѣлу кральвину.
Еси и нѣ, и іошъ веће вреданъ.“

А сынъ оца у десницу любви,
И овако нѣму одговара:

„Што самъ годъ я оче учиніо,
Ако ти се хвале види вредно,

Ніє манѣ твоє него мое,
Ты учини, а крозь мою руку.
Што си мене кралѣмъ учинію,
Силномъ си ме милошћу облію;
Ал' одъ малог' духа родителя
Сынъ велике невиди милости.
Што ми мыслишъ кралѣвину дати,
Ты ћешъ дати, я нећу пристати;
Зао отаць кои ништа не дав,
Горый сынъ є кои све узима.“
Боже милый да лепа угледа!
Отаць сына сладко загрлію,
Суза му се низъ образъ котрля,
А у войсцы радость ускиптила,
Сви весели у гласъ повикали:
„Да Богъ живи и отца и сына,
Равне нѣима раћала Србія!“ —
Кадъ краль Стефанъ войску прегледао:
Не бы много изгнуло друга;
Одъ войвода ни єданъ непао,
Ал' ни єданъ безъ ране неостао.
Бугара є половина пала,
Подъ Землянѡмъ градомъ
Све є полъ у крви огрезло,
Струмица се у крвь учинила
Много благо Стефанъ задобію,
Међу войску право подѣлію,
А одъ оногъ, што є заостало,
Высоке є сазид'о Дечане,
Да є спомень одъ вѣка до вѣка,

Како правди и самъ Богъ поможе,
А неволю на неправду шилъ.
Онѣда было, садъ се приповѣда,
Одъ мен' пѣсма, одъ Бога вамъ здравлѣ.“

Кадъ є пѣсму Драгославъ свршио,
Кнезъ Владиславъ нѣму проговара:
„Башъ ти хвала на той пѣсми старче!
Єси пѣвче све добро казао.
Испѣвао башъ како є было.“
Говори му Србскій царъ Стефане:
„Живъ ми было моя вѣрна слуго!
Кадъ си мени кнезу угодио,
И гостима радость учинио,
Най ты слуго ову златну купу!
Изъ нѣ царъ є шио Бугарине:
Нек' ти она спомень царевъ буде,
Кадъ си г' тако лѣпо опѣвао.
А одъ стары чуо самъ людій,
Да найболъ увѣкъ доликуе
Златной купи и вино одъ злата.“
Па извади стотину дуката,
У купи ий Драго славу дає.
Стараць узе кралѣвско уздарѣ,
Люби краля у скуть и у руку,
Кланя му се до земљице црне,
Па одлази нове спѣват' пѣсме,
И юнаке прославляти Србске. —
Гости юште осташе весели,
Нѣшто пише, нѣшто диванише;

А кадъ быя те поноѣ превали,
Устадоше, свак' кралю захвали,
Па одгале свакиѣ своме дому оде,
А самъ Србскій царъ Стефанъ остад
Са Мариомъ са свѣтломъ краљицом
И маленымъ сыномъ, принцемъ Си

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

СЕРБИЈА
БЕОГРАД
УМРЕЛОСТ

УМРЕЛОСТ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 СРГ 576.1